

Владимир Фещенко
Институт языкознания РАН
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Vladimir Feshchenko
Institute of Linguistics RAS
vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

CREATIO EX LINGUA.
ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКОВЫХ НОВАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
И НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ЭПОХИ РУССКОГО АВАНГАРДА¹

CREATIO EX LINGUA.
PARAMETERS OF LANGUAGE INNOVATIONS IN ARTISTIC
AND SCIENTIFIC TEXTS OF THE RUSSIAN AVANT-GARDE ERA

В статье проводится дискурсивный анализ русских художественных (экспериментальных) и научных (лингвистических) текстов с позиции теории лингвокреативности. По каждому из рабочих подкорпусов (художественный и научный дискурсы 1910–1930-х гг.) выделяются макродискурсивные, микродискурсивные и интердискурсивные параметры, воздействующие на языковые новации разных уровней — от фонологического до прагматического. Делается вывод о том, что художественный и научный дискурсы расположены на шкале языковой креативности на противоположных полюсах — максимальной лингвокреативности в ХД и минимальной в НД. Лингвистический инструментарий сопоставительного дискурс-анализа демонстрирует переход от экспрессивной лингвокреативности (лингвоэстетики) в художественной литературе к эвристической креативности (лингвоэвристике) в научном терминотворчестве.

Ключевые слова: лингвокреативность, художественный дискурс, научный дискурс, русский авангард, языковой эксперимент.

The article aims at a discourse analysis of Russian artistic (experimental) and scientific (linguistic) texts from the perspective of the theory of linguistic creativity. For each of the working subcorpora (artistic and scientific discourses of the 1910–1930s), it distinguishes macrodiscursive, microdiscursive and interdiscursive parameters that affect linguistic innovations at different levels — from phonological to pragmatic. The study concludes that artistic and scientific discourses are located on the scale of linguistic creativity at opposite poles — from maximum linguistic creativity in AD to minimum linguistic

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

creativity in SD. The linguistic methodology of comparative discourse analysis demonstrates the transition from expressive linguistic creativity (linguoesthetics) in literary writing to heuristic creativity (linguoheuristics) in new scientific terminology.

Key words: linguistic creativity, artistic discourse, scientific discourse, the Russian avant-garde, language experiment.

Варвара Степанова

Русский авангард не перестает интересовать исследователей, работающих на рубежах наук, своей открытостью к проникновению границ между искусством и наукой, практикой и теорией, политикой и философией. Все новые и новые источники и новые осмысления уже известных текстов позволяют и побуждают рассматривать авангард как полидискурсивную формуацию, в которой взаимодействие дискурсов создает множество концептуальных резонансов. Один из таких взаимонаправленных векторов — обратная связь между научным и художественным дискурсами, задающая собой пространство междисциплинарных трансферов в творческой культуре.

Взаимодействие научного и художественного способов познания и творчества — важный объект рефлексии в самой авангардной культуре. На основе этой саморефлексии формируются и современные научные подходы к исследованию авангардных дискурсов. Многие вопросы научно-художественного взаимодействия затрагивались в антологии-сборнике (Степанов 2006) и в нашей монографии (Фещенко 2009); этой теме посвящены вышедший в Белграде отдельный том (Ичин 2011), а также переведенная на русский работа (Фёрингер 2019) о научно-художественных экспериментах в области психологии восприятия.

Обратиться вновь к этой проблематике на современном этапе побуждает разрабатываемая в науках о языке теория лингвокреативности. В частности, проводимое коллективом Института языкознания РАН исследование, в рамках которого выполнена данная работа, направлено на параметризацию языковой креативности в разных типах дискурса. Одним из направ-

лений проекта является изучение таких параметров на материале корпуса художественных и научных текстов эпохи «первого авангарда» (1910–1930-е гг.) Исследование призвано ответить на вопросы: какими лингвистическими средствами создается новизна в текстах разного типа, каково в действительности языковое новаторство авангардных авторов в различных видах производимых ими текстов (литературно-художественных, теоретических, критических, научных); что говорят нам лингвокреативные техники о сближении художественной и научной когниции в промежуточных между художественными и научными жанрами текстов? Попутно решается вопрос об отношении радикального художественного языкового эксперимента к языковым изменениям в языке вообще (в том числе, под воздействием научных концепций и новшеств).

Ключевые понятия и методология

В последние десятилетия социальные и когнитивные изменения, происходящие с человеком в современном мире, побуждают лингвистов фиксировать механизмы языковых изменений и преобразований с точки зрения их новаторства и новизны. Развивающиеся теории языковой креативности (главным образом, в когнитивно-ориентированной лингвистике) позволяют различать стабилизирующие, нормоустанавливающие тенденции в языке и дискурсе, с одной стороны, и те, которые отклоняются от нормативных процессов, генерируя тем самым новые, потенцирующие явления в речевой практике и языковой системе.

На пути к общей **теории лингвокреативности** двумя основными посылками являются 1) представление о языке в целом как естественном творческом процессе в развертывании речи и развитии языка и 2) представление о возможности повышенного творческого воздействия на язык со стороны отдельных индивидуумов, сообществ, дискурсов. Если в первой посылке, восходящей к концепции *linguistic creativity* Н. Хомского, в сущности, любое языковое изменение, любой акт речи признаются «творческими», то во второй, в большей мере опирающейся на русскую традицию лингвопоэтики, акцентируется та инновационность в языке и речи, которая возникает на фоне стандартности и конвенциональности. Могут ли два эти понимания быть наложены друг на друга в рамках единой концепции языковой креативности? На наш взгляд, они могут быть продуктивно использованы на равных правах при создании шкалы лингвокреативности, основанной на общих языковых и дискурсивных параметрах.

Мы будем исходить из **определения лингвокреативности**, данного И. В. Зыковой. На основе диалектики коллективно-социального и индивидуально-личностного ей выводится расширенная дефиниция лингвокреативности как «способности глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемой коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем

социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» (2017: 638). При этом под лингвокреативностью в общем виде условимся называть ту, которая порождается коллективной личностью (сообществом, социумом, народом), а лингвокреативностью авторской ту, которая реализуется отдельным индивидуумом (говорящим, автором). В разных видах дискурса процесс инновационности будет различаться в зависимости от фактора коллективности-индивидуальности.

Близкая к этому трактовка лингвокреативности с позиции когнитивного метода дается О. К. Ирисхановой: креативность есть способность человека «творчески конструировать и интегрировать различные ментальные образования в режиме реального речевого общения» (2004: 17). В таком понимании язык обретает креативные формы в речи, тексте и дискурсе. Креативная способность, присущая человеку в пользовании готовыми языковыми элементами для порождения новых элементов, эксплицируется в речевой деятельности уже в виде «лингвокреативности». Лингвокреативность предлагается при этом рассматривать через дихотомии: ««индивидуальное — коллективное», «поверхностное — глубинное», «композиционное — интегративное», «алгоритмическое — эвристическое»» (Там же). Здесь нам видится продуктивный путь диверсификации языковой креативности по различным параметрам: социальным, уровневым, коммуникативным, когнитивным.

Можно выделить следующие **виды лингвокреативности** в дихотомических парах:

- языковая и речевая (разграничение вводится еще Ф. де Соссюром, см. также (Демьянков 2009));
- языковая и стилевая (еще у Г. Винокура (1943) о «языковом и стилевом новаторстве» поэтов авангарда);
- языковая и дискурсивная (Соколова 2020);
- индивидуальная (авторская, идиостилевая) и коллективная (массовая, социолектная) (Ирисханова 2004);
- аномальная и узуальная (в зависимости от степени отклонения от узуального стандарта, см. (Радбиль 2012));
- эстетическая и эвристическая (в соответствии с направленностью на новую выразительность либо на новое знание, см. (Фещенко 2020)).

В данной статье нас будут интересовать способы проявления авторской языковой креативности в двух типах текстов — **художественных** и **научных** (оба этих типа творчества Р. Джоунс [Jones 2016] относит к Креативности с большой буквы, в отличие от креативности с маленькой, характерной для обыденного дискурса). Мера языкового новаторства (или

«лингвистического изобретательства», в терминах Г Винокура) будет определяться исходя из проявленности целого ряда параметров лингвокреативности. При этом под «новаторскими» будут пониматься исключительно те языковые техники, которые можно признать отклонениями от узуального употребления тех или иных языковых единиц, значений или конструкций.

Самые общие определения понятия **творчества** сводятся к следующему: творчество — это деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Категория **нового** оказывается, таким образом, ядром значения концепта творчество. Не удивительно, поэтому, что она переживает такой всплеск в эпоху авангарда, в первые десятилетия XX века, когда создание нового возводится в принцип любой творческой деятельности (ср. формулу К. Малевича из *Мира как беспредметности*: «Человек перешел в новые обстоятельства и должен строить новую форму новых взаимоотношений»). Общественно-политические перемены на волне русской революции (построение нового мира) отражаются и на языке эпохи (см. Фещенко 2019). Установка на новизну — характерная черта как индивидуально-художественных, так и коллективно-прагматических текстов 1910–1920-х гг. (см. Житенев 2019). Категории «новизны» и «творчества» оказываются неразрывно связанными в эпоху авангарда. Отсюда свойственная русскому авангарду установка на словотворчество, речетворчество, творчество жизни, «революцию слова», а также осмысление этих языкотворческих явлений в научно-лингвистическом дискурсе этих лет: у Р. Якобсона, Г. Винокура, Б. Арватова и др. Концепт «нового творчества» представлен в композиции В. Степановой, вынесенной в вербально-визуальный эпиграф к этой статье. Новое, таким образом, осмысляется как «скачок» и «смещение», в противовес «развитию» и «планомерной эволюции» (например, в концепции Ю. Тынянова). В язык вводится принцип эксперимента, от работ А. Белого по стиховедению 1910-х до статей Л. Щербы 1920-х.

Итак, в период «первого» русского авангарда творчество связывается с новым и в искусстве, и в науке. Каковы же способы создания нового в языке поэзии и лингвистики? Для ответа на этот вопрос обратимся к параметризации языковых процессов в двух типах текстов — художественных и научных.

Характеристика подкорпусов

Данная статья — часть коллективного проекта по созданию и соизмерению (количественному и качественному) нескольких подкорпусов текстов разных типов дискурсов (литературно-художественного, политического, эпистолярного, кинематографического, рекламного, обыденно-бытового и некоторых других). Для сопоставительного исследования лингвокреативных параметров и техник в двух типах жанрах текста (и двух типах дискурса) нами отобран материал из 1910–1930-х годов.

Художественный подкорпус представлен десятью авторами, тексты которых в большей мере направлены на языковой эксперимент на разных уровнях: А. Белого, А. Введенского, И. Зданевича, А. Крученых, О. Мандельштама, В. Маяковского, А. Платонова, Д. Хармса, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Средний объем отобранных текстов одного автора — 25 000 слов. Выбраны тексты как поэтические, так и прозаические, и драматические.

Для **научного подкорпуса** отобраны тексты наиболее известных ученых-лингвистов данного периода: В. Абаева, В. Виноградова, Г. Винокура, В. Волошинова, Е. Поливанова, Р. Шор, Л. Щербы, Р. Якобсона, Н. Яковлева, Л. Якубинского. Выбор лингвистики обусловлен тем, что наука о языке переживала в этот период бурный рост по всему миру и в России, в частности, утверждаясь именно в качестве строгой научной дисциплины (после Ф. де Соссюра) со своим понятийным аппаратом, методами и научными школами. Кроме того, становление формальной, структурной и марксистской лингвистики в этот период находилось в контакте — прямом или опосредованном — с художественными процессами, главным образом, в новаторской поэзии. Такие подкорпуса позволяют, таким образом, проследить меру обменов между авангардным и лингвистическим дискурсами в определенный исторический период.

В данной статье мы будем как обращаться к этим малым рабочим подкорпусам, так и привлекать некоторые примеры из всего корпуса русской поэзии и науки описываемого периода. Для определения меры лингвокреативности в двух анализируемых дискурсах методом сопоставления лингвокреативных параметров и техник мы будем следовать трем шагам: 1) выделение макродискурсивных параметров (маркеров) по каждому подкорпусу, 2) определение микродискурсивных параметров: тех лингвокреативных техник, которые являются инновационными в рамках предложенного типа дискурса, 3) идентификация тех параметров, в которых оба типа дискурса могут интерферировать, т. е. интердискурсивных параметров языковых новаций.

Характеристика дискурсов

Художественный дискурс: Макродискурсивные параметры

Для приближения к языковым особенностям новаций в текстах представленного типа необходимо описать внешние дискурсивные факторы их возникновения. Исследования специфики художественного творчества, языка художественной литературы, художественной речи, художественного текста, художественной коммуникации и т. п. позволяют выделить конститутивные признаки художественного дискурса как коммуникативно-языкового явления культуры. Далее, на основе выделенных признаков уточняются дискурсивные факторы художественных текстов конкретной эпохи, конкретного языка и конкретной литературной направленности.

Под **художественным дискурсом** (далее — ХД) нами понимается совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства², с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства.

Характеристики ХД³.

Субстанциальные характеристики:

- Эстетическая ценность.
- Принадлежность к художественной традиции.
- Направленность на выражение.
- Образно-метафорический строй.
- Многозначность.
- Персональность.
- Субъективизм.
- Неверифицируемость.
- Национальная привязка.

Коммуникативные характеристики:

- Доминирование эстетической функции языка.
- Направленность на сообщение как таковое.
- Актуализация внутренней формы знака, обеспечивающей глубинную коммуникацию посредством сообщения.
- Целостность и композиционность сообщения-текста.
- Соединение внешней референции и внутренней референции во множестве связей.
- Семантическая нагруженность любого языкового и внеязыкового элемента текста-сообщения.
- Превалирование личного дейксиса в структуре сообщения и коммуникации.
- Расщепленная субъективность.
- Особый, интерактивный и реципрокный тип связи между адресантом, адресатом и сообщением.
- Определенность адресанта при неопределенности адресата.

Анализируемый в данной статье подкорпус художественного дискурса представлен экспериментально-художественной своей разновидностью, обретающей особую актуальность в эпоху русского постсимволизма (авангарда) в искусстве. Специфическими качествами экспериментально-художественного дискурса (далее — ЭХД) являются: направленность на языко-

² Под «произведением искусства» понимается текст, объект или событие, обладающие эстетической ценностью и являющиеся продуктом художественного творчества.

³ В частности, литературно-художественного как наиболее распространенного в культуре типа художественного дискурса.

вой эксперимент; автореферентность и автокоммуникативность; интровертивная прагматика; взаимодействие поэтической и метаязыковой функции.

Мера свободы языкового выражения в ЭХД стремительно возрастает по сравнению с предшествующими и синхронными дискурсивными формациями. В ЭХД пределы лингвокреативности раздвигаются, причем не только креативности дискурсивной (внутренне присущей ХД), но и языковой. Языковое новаторство при этом обеспечивается в том числе дискурсивной мобильностью ЭХД, т. е. взаимодействием с сопредельными дискурсами (политическим, научным, рекламным бытовым и т. д.).

Макродискурсивные факторы делают некоторые параметры лингвокреативности нерелевантными для новаций в ХД и ЭХД. Так, рифма не является новацией для поэтического дискурса вообще. Наоборот — часто отсутствие рифмы становится креативным фактором языкового новаторства (в свободном стихе). Повтор как пример также не является специфически креативным для ХД, однако множественные повторы могут вносить дискурсивные новации (как в строчке Г. Стайн *Роза есть роза есть роза есть роза есть роза* или в стихе А. Введенского: *Мне страшно что я не трава трава, / мне страшно что я не свеча. / Мне страшно что я не свеча трава*). Дискурсивная креативность задействует все факторы дискурса, тогда как языковая выдвигает те, которые являются новациями на фоне общезыковых процессов в конкретной культуре.

Далее мы рассмотрим конкретные языковые техники создания таких лингвистических новаций на основе микродискурсивных параметров ЭХД. Данные параметры организованы согласно уровням языковой системы: от фонологических и морфологических до семантических и прагматических. Внутри языковых уровней выделяются детальные параметры по конкретным аспектам языковых техник.

Художественный дискурс: Микродискурсивные параметры

1. Фонологический уровень.

В составленном подкорпусе новации присутствуют как на отдельных параметрах, так и на их совмещении:

Фонетический эллипсис (неполное произношение, редукция гласных и согласных). Данный параметр характерен для устной речи или ее имитации на письме. Что происходит, например, в «конструэмах» А. Чичерина с имитацией «московского говора»: *ЛЕдДЕта; / ЧЕмтБОльнЗАДЕта / СЕ!ри / СЪПЕ!рим / ДЪБИВНАйКАТЬЛЕТа*; или в отдельных лексических единицах у А. Крученых: *оползнь, проволки* и т. п.

Звукоподражание/звукосимволизм. Повсеместно используется в художественной литературе всех эпох, культур и направлений. Однако в русском ЭХД звукоподражание может заключать в себе звукосимволизм. Так, у А. Белого в «Глоссолалии» имитируется рождение слова из звука: *За от-*

четливым «р» стоит древнее «w»: — и в «р» чуетя; в полость рта наползает змея выдыхаемых жаров; хрипит звуковой Протагон; вылезает из недра; звук пухнет в безвеиши: rrr-rhrh-wrhw-иwi-иши; и — «Uhr» вылезает. У И. Зданевича в примере из «Янко круль албанская» звукоподражания связаны с алфавитным символизмом: *аб бевегбевиг ге де е / аб бевегбевиг ге де е / жзи какал какал мно / о о о о о прстуетф / ха чешыщчешыщ цэ ю я / ха чешыщчешыщ цэ ю я.*

Не звукосимволична лишь глоссолалия как чистое звукопорождение, как у В. Хлебникова в «Зангези»: *Ранр, гранр, анр! Жай! / Каф! Бзуй! Каф! / Жраб, габ, бакв — кук! / Ртунт! Тунт!*

Фонетическое акцентирование (продление, усиление звуков). Специфично для устных дискурсов. Однако встречается как прием в авангардной поэзии: *Иде-е-е-е-м! / Идемидем!.. / Скорее-е-е-е-е-е-е-е! / Скорейскорей!* (В. Маяковский), см. также ниже, в примере из «ГАРОЛАНД» И. Зданевича.

Звуковой повтор (аллитерация, ассонанс, благозвучие, паронимическая аттракция, эпифора, анафора). Параметр в целом специфичный для ХД. В ЭХД, впрочем, утрированный, настойчивый повтор выступает как дискурсивная новация, см. у А. Белого в «Масках» в сочетании с пунктуационным, графическим, неологическим параметрами эксперимента:

Психика, — страх, угрызения совести, — ноль; физиология переживает-ся цифрищами, напечатанными в миллионах сплошных километров; один —

— ноль, ноль, ноль, ноль,

ноль,

ноль, —

— и —

— так далее,

далее, далее, далее, далее!

Фонетический окказионализм. Случаи «заумных» звукосочетаний, тяготеющих к словам, больше всего у А. Крученых: *еуы; Дыр бул щыл / убеищур* и т. д. и у В. Хлебникова: *бобэоби, взэоми* и т. д.

Наличие метра, ритма или рифмы, ритмические повторы. Параметр в целом специфичный для всех видов ХД. Метр, рифма и ритм участвуют как порождающие новации на иных уровнях в ЭХД, у В. Хлебникова: *жарирей-времирей, времиши-камыши* и т. д.; у А. Крученых в «Победе над солнцем»: *Созерцебен есть вождебен;* у Д. Хармса: *когда сам сын, вернее мяч / летел красивый импопутный / подпрыгнет около румяч;* у А. Введенского: *Обнародуй нам отец / Что такое есть Потец;* у М. Цветаевой: *Есть час на те слова. / Из слуховых глушизн / Высокие права / Выстукивает жизнь.*

Ошибка (ненамеренная). Фонетические ошибки в целом характерны для разговорного дискурса. В ХД и ЭХД ошибка практически всегда интенциональна. См. ниже об «ошибке» как параметре на орфографическом уровне.

В целом для составленного рабочего корпуса объем фонетических новаций очень велик. Однако особенно велик он в сочетаниях фонетического и иных уровней. Внимание к фонетическому уровню объясняется такими макродискурсивными параметрами, как установка на выражение (сообщение) и автореферентность.

2. Морфологический уровень.

В целом для русского корпуса ЭХД рассматриваемого периода не характерны чистые эксперименты с морфологическим планом языка (выбором конкретных морфологических форм из парадигмы). Однако морфология играет порождающую роль при словообразовании, например, в «Смехах» В. Хлебникова: *О, рассмейтесь, смехачи! / О, засмейтесь, смехачи! / Что смеются смехами, что смеянутся смеяльно, / О, засмейтесь усмеяльно!* Категориальные новации различных частей речи относятся скорее к уровню семантики (см. ниже). То, что может выглядеть как морфологическая ошибка, является на самом деле концептуальной новацией, см. у А. Белого аномальная по роду сочетаемость существительного и местоимения: *В веках я спал... Но я ждал, о Невеста, — / Север моя!*

3. Словообразовательный уровень.

Наряду с фонологическим (фонетическим) уровнем — один из самых активных уровней порождения языковых новаций в ЭХД. Параметры характерны для всех авторов, представленных в рабочем корпусе.

Аффиксальная модификация. Неологизмы у А. Белого: *молнило, вострубленный, остеклелый, выструиваясь, прордейте* и т. п.

Окказиональное словосложение. Составные неологизмы у А. Белого: *звуко-образ, звуко-люди, многоног, огнерогими* и т. п.

Безаффиксное словообразование. Неологизмы А. Белого: *расстав, сворот* и т. п.

Сокращение (аббревиация). В целом характерно для политического дискурса эпохи, а также для манифестов русского авангарда, см. *предземшар* В. Хлебникова. У А. Платонова встречаются в прозе: *ЦУСТРАХ, Оргдвор* и т. п.

Аттракция производных слов. См. у А. Белого грамматический параллелизм в неологизации: *Средь **выбрызгов** тверди / ...Средь **вывизгов** развизжавшейся смерти.*

4. Лексический уровень.

Большинство лексических параметров специфичны в целом для ХД (смена регистров, социально-территориальных кодов, профессиональных

кодов, экспрессивы и эмотивы, синонимия и паронимия, многозначность, тропы, имена собственные, фразеологизмы). Они безусловно играют роль в дискурсивных и языковых новациях — см., например, имена собственные у Д. Хармса, А. Белого и А. Платонова, фразеологизмы у А. Введенского и М. Цветаевой (об идиоматической креативности авангарда см. (Zukova — Sokolova 2018)). Отметим лишь те параметры, которые особо характерны для нашего корпуса ЭХД:

Смена языкового кода. Иноязычные вкрапления у В. Каменского: *Браба'. Федерасион фонетик интернациональ. / Жантиль э ронти. / Травайй, травайй. / Воль-плянэ. Финаль. / Вон труа. Ассэ. Ава. / Сюр ля пляс Исси-ле-Мулажи;* билингвемы у О. Мандельштама: *Всё лишь бредни, шерри-бренди.*

Смена лингвосемиотического кода. Параметр особо продуктивен у В. Каменского, А. Чичерина, И. Терентьева. См. также фрагмент поэмы А. Безыменского и С. Телингатера *Комсомолия*:

В качестве смены семиотического кода может рассматриваться и «Поэма конца» В. Гнедова: пустая страница выступает как нулевой знак, заменяющий собой вербальный текст поэмы. Языковой новации здесь не происходит, однако дискурсивная — налицо: поэзия отныне может писаться без слов.

5. Синтаксический уровень.

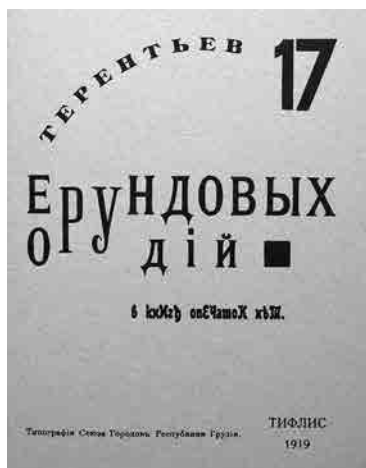
Большая часть синтаксических параметров языковой активности неотъемлема для ХД в целом (эллиптические конструкции, синтаксическая незавершенность, инверсия и прочие синтаксические фигуры), т. к. художественная речь более свободна в синтаксической организации. Русская речь особенно свободна в порядке слов, поэтому синтаксические отклонения часто не воспринимаются как креативные.

Синтагматические новации в представленном русском корпусе ЭХД характерны в связке с пунктуационными (на орфографическом уровне). Аномальная синтаксическая сочетаемость характерная для А. Платонова

(я долго заплакала), В. Шершеневича (*Лежать сугроб. Сидеть заборы. / Вскочить в огне твое окно*). См. подключение фонетических новаций, неологизмов и орфографических экспериментов в текстах П. Филонова: *измор паросый сребр ожар медвьѣжи тѣомъ чайныи ро-/зан водам свѣтлым номирально моритъ о зимъ зимае*, а также у И. Зданевича, А. Кручных и др.

б. Орфографический уровень.

Модификации с буквами. Больше всего таких примеров в текстах И. Зданевича и И. Терентьева, см. обложку книги последнего:

Новация со знаками препинания. Вводятся новые знаки препинания или неконвенционально используются существующие: *Тропа снегов = пути белил/Мороз = укусы = жало* (Д. Бурлюк).

Новация с написанием (слитно-раздельно). Неологизмы В. Каменского: *золотороссыпьювиночь, рекачтачайка*; аномальное раздельное написание у В. Маяковского: *У-/лица./Лица/у/догов/годов/рез-/че*.

Графическое акцентирование. См. выше, в примере из И. Терентьева и ниже, из «ГАРОЛАНД» И. Зданевича

Графогибридизация (поликодификация). Соединение в пределах слова графических средств разных языков практически не распространено в русском ЭХД рассматриваемого периода.

Орфографическая ошибка. У Д. Хармса то, что внешне выглядит как ошибка, несет в себе семантический сдвиг, часто по принципу паронимической звуковой аттракции слов: *Кидает сумрачный **ноган** к ее растерзанным ногам; Часоточный гость; Кличет на ветру невеста/Ей тоже **умерать** пора*.

Тавтологичность. У А. Введенского: *червяк/червячек червячишко/ как мой родственник сынишка; если я и родился/то я тоже родился/если я и голова/то я тоже голова/если я и человек/то я тоже человек;* у А. Платонова: *Приступили к взаимному утешению друг друга.*

8. Прагматический уровень.

Активизируется в ЭХД за счет подключения метаязыковой функции и сосредоточения на коммуникативных моментах поэтического высказывания.

Неузуальное функционирование речевого акта. В пьесах Д. Хармса и А. Введенского, например, у последнего: *Убийство. Не говори так много об убийстве./Мы ещё не поняли убийства./Мы ещё не поняли этого слова./Мы ещё не поняли этого дела».*

В сочетании с графическим уровнем прагматика высказывания подвргается эксперименту у И. Терентьева:

Дейктический сдвиг. В стихах А. Введенского: *мне жалко что я не зверь.* Дейктическая аномалия с подключением синтаксической, пунктуационной и словообразовательной новации имеет место у Д. Бурлюка: *Я — КТО — Я — / Я — вроде утроверта.*

Референциальная неоднозначность. Является субстанциальной и коммуникативной характеристикой ХД в целом и особенно ЭХД. Подключение других параметров в комплексе усиливает неоднозначность.

Неузуальное употребление дискурсивных слов. Особо активен параметр у обэриутов, см. у А. Введенского: *вот оно то что не то;* у Д. Хармса: *Где же теперь? /Теперь тут, а теперь там, а теперь тут, /а теперь тут и там. /Это быть то. /Тут быть там. /Это то тут там быть. Я. Мы. Бог.*

Неузуальная модальность глаголов. Данный параметр в ЭХД рассматриваемого периода практически не представлен. Более характерен для литературы второй половины XX века и начала XXI века.

Рассмотренный перечень параметров на различных уровнях языковой организации не является исчерпывающим. Однако на примерах из нашего подкорпуса (ЭХД) он позволяет определять степень проявленности дискурсивной и языковой новации в конкретных фрагментах текстов, в конкретных текстах, у конкретных авторов, в конкретных разновидностях и направлениях ХД. В некоторых случаях постулируется действие лишь одного параметра, например, в *еуы* у А. Крученых — фонетический окказионализм как таковой. В других фиксируется действие двух и более параметров, как, например, в следующем фрагменте из «Зангези» В. Хлебникова: *Гоум./Оум./Уум./Паум./Соум меня/И тех, кого не знаю./Моум./Боум./Лаум./Чеум./— Бом!/Бим!/Бам!* — совместное действие параметров: фонетический окказионализм; звукоподражание; звуко-символизм; словосложение (неологизмы); рифма. Совместное действие фонетических, лексических и словообразовательных уровней можно видеть в «Котике Летаеве» А. Белого, когда фонетическое звукоподражание *пфук* становится именем собственным *Пфука* и задает целую глагольно-именную парадигму лексических новообразований: *пфук — Пфука — пфукнет — пфукая — пфуканье — пфукиństwo* и т. д.

В следующем же примере из раннего стихотворения И. Зданевича в действие вступают множественные параметры фонетического, орфографического и синтаксического уровней:

гаРОланд (длинный вариант)

1888 индо-Китай отец адвокат джунгли джунгли охота
на тигров коб-рррры жальт павлины сидя на деревьях
хвост в ветр какао аааао ррррах перелетают слоны топчат
посевы парохооооды прииистани китайцы негры англи-
чане bonjour comment allez vous в европу уууууууууууу
1910 паррррининж крыыылья пускают пропёллер я тѳже.
Сантос Дюмон¹ в Амѳрику Одемар Одемааааар Барьее-
ес² назад Парррринининж мадрит уууууулепетывай Вед-
рин³ Пиринеи бородатый ягнятник крыыылья погѳня
вѳше паррррининж рѳм 4 сентября 1911 высота 3950 мет-
ров хооооооолодно браво Гаррд выыыше 6 сентября
1912 4960 метров браво Гаррд 11 декабрь поля стѳлятся
фѳбрики кадят уууу ветр стая облаков ещѳоооо солнце
слепит океан слѳююююни высота 5600 метров браво Гар-
рд браво Гарррррро РО-РО-РО Рѳ-Рѳ ррррум война рѳ-
рѳрд monsieur le ministre Гаррд Одемар Жильберррр

Какие из перечисленных параметров актуальны для второго из интересующих нас типов дискурса — научного (далее — НД)? Насколько линг-

вистически инновационным является он в сопоставлении с ХД и ЭХД? Обратимся, следуя той же методологии, к параметрам макродискурсивного и микродискурсивного плана.

Научный дискурс: Макродискурсивные параметры

Субстанциальные характеристики:

- Познавательная ценность.
- Ориентация на научную традицию.
- Направленность на содержание.
- Терминологически-метафорический строй.
- Однозначность.
- Институциональность.
- Объективизм и верифицируемость.
- Логичность и доказательность.
- Универсальность и интернациональность.
- Интернациональность, отсюда включения иноязычных кодов.

Коммуникативные характеристики:

- Доминирование референтивной (когнитивной) функции языка.
- Направленность на выдвижение результата.
- Терминологичность как направленность на метаязык (код).
- Логическая связность и коммуникативная одновекторность.
- Превалирование внешней референции.
- Коллективный дейксис.
- Субъективная гомогенность и стандартность.
- Определенность адресанта при ограниченности адресатов. Коллективность адресата.

Рассматриваемый в нашем рабочем корпусе научно-лингвистический дискурс (далее — НЛД) при всех присущих научному дискурсу качествах имеет одну особенность — в нем объектом научного познания и исследования является само средство дискурса, т. е. язык. Язык здесь — не только средство выражения, но и план содержания. Это в некоторых отношениях сближает НЛД с ЭХД. Однако степень языковых новаций у них радикально разнится.

Анализ рабочего корпуса текстов русских лингвистов 1910–1930-х гг. показывает, что при всем новаторстве концепций, представленных в них, языковой инновационности в них практически нет. За счет новых терминов возникает лишь новация дискурсивная (приращение научного знания) и — в некоторых нечастых случаях — языковая (за счет введения нового термина из другого языка или другой области знания, или образования от существующего термина). При этом новые термины чаще всего возникают как переосмысленные понятия, существующие либо в языке обиходного общения, либо в научном языке (при этом часто термины адаптиру-

ются из других областей науки). Так, термин «фонема», впервые возникший в русском научном дискурсе еще у И. Бодуэна де Куртенэ в конце XIX века, получает позднее новое значение у Л. Щербы, Н. Трубецкого и т. д. А термин «структура» переносится в лингвистику из технических и математических наук, обретая особое лингвистическое значение, например, у Р. Jakobsona и Н. Трубецкого.

Фактически, из всех параметров, примененных нами к анализу ХД и ЭХД, актуальными для НД и НЛД оказываются лишь три микропараметра: **смена профессионального кода** (ввод термина из другой области науки) на лексическом уровне; **неологизация** на словообразовательном уровне (новые слова-термины); и **сдвиг узуального значения слова** (как способ образования нового термина) на семантическом уровне. Приведем некоторые новые термины, используемые в нашем корпусе НЛД:

В. Абаев: *идеосемантика, семантические сдвиги, технизация-социализация, технизующая речь, технизированное, десемантизованное, технизованно, речевого новотворчества, коммуникативная система, речевые акты, наречение.*

В. Виноградов: *символика, синтактика, функционально-имманентный метод, лексема, автоматизированных сочетаниях, морфологизация, грамматическая омонимия.*

Г. Винокур: *культура языка, своезаконный порядок слов, языковое изобретение, звуковое творчество.*

В. Волошинов: *внехудожественная социальная среда, художественное общение, жизненная речь, жизненное высказывание, внесловесную ситуацию высказывания, внесловесного контекста, семантическая метафора, интонационная метафора, жестикуюляционная метафора, социальная ориентировка, взаимоотношение творца и героя, форма самовысказывания, жизненная идеология, жизненное высказывание, внутренняя речь.*

Л. Щерба: *фонема, отрицательный языковой материал.*

Л. Якубинский: *реплицирование, монологизирование, диалогизирование, недосказывание, речепотребление, глоссемосочетание.*

Как видим, на трех уровнях языковой системы: лексическом, словообразовательном и семантическом новации, действительно, имеют место, однако они, во-первых, немногочисленны (в сравнении с ЭХД), а, во-вторых, ограничены действием лишь трех микропараметров. Такие уровни языка, как фонологический, орфографический, грамматический, прагматический, не участвуют в инновационности научного дискурса.

В статье [Фещенко 2020] мы рассмотрели некоторые языковые техники, используемые в научном дискурсе В. Шкловского и Р. Jakobsona. Анализ позволил сделать вывод о том, что новизна их научных текстов не в только в том, что они посвящены текущей передовой поэзии, а в их эвристическом потенциале, выраженном в системе терминов, в самой лингвистической

терминов, характерной для НД, однако проделывает это, следуя собственными стратегиями неологизации (полужирным выделены авторские неологизмы):

*Учали об **особе** языка, бывшие некогда **играной умчаков** ветхого лета, покато теряют свой ход и, **дменные яростью**, ослеплявшие смерчем духовные бури уступают место вечной зыби, господствующей ныне <...> Может быть, здесь жезл того **серебрянобрадого** закона, что ум — кольцо с **обумом**, т.е. что древняя задира» мыслью склонна прийти в свое прежнее положение, но первые буруны играют на том месте, где изучается особа одного какого-нибудь языка. Оно, отыскав **измер** слов, понимает речь как **слоэжбу силанов**; хотя и осыпаются цветки художественной речи <...> но относительно его **бытаны** дает указы, более меткие чем все улейные языкознания в целом, лепет коих кажется жалобным мяуканьем котенка рядом с задумчивыми, могучими, трубными звуками **ведей** языка в себе <...> Задачей этого исследования будет нахождение **простов** языка, кратких **звучебнов**, имеющих смысл, и перевод этих **говоранов** на язык **силанов***

У О. Мандельштама в «Разговоре о Данте» поэтический дискурс максимально плотно сближается с научным:

Качество поэзии определяется быстротой и решимостью, с которой она внедряет свои исполнительские замыслы-приказы в безорудийную, словарную, чисто количественную природу словообразования. Надо перебежать через всю ширину реки, загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками, — так создается смысл поэтической речи. Его, как маршрут, нельзя восстановить при помощи опроса лодочников: они не расскажут, как и почему мы перепрыгивали с джонки на джонку.

В таком гибридном дискурсе взаимодействуют две стратегии метафоризации: образно-художественная (эстетическая) и терминологически-научная (эвристическая). Первая стремится к максимальной свободе и многозначности языковых новаций, вторая — к закреплению нового знания в четких, однозначных понятиях. Инновационность научного дискурса основана на повторяемости понятий, их встроенности в систему и воспроизводимости в научной традиции. Языковая инновационность здесь не является самоцелью и ограничена лишь нечастыми случаями введения новых терминов. В научном дискурсе существуют ограничения на лингвокреативность. В отличие от художественного дискурса, где экспрессема максимально многозначна, в научной речи термин всегда тяготеет к однозначности. Часто в процессе развертывания научного дискурса термин уточняется за счет других соположенных по смыслу и по форме терминов. Новизна в научном тексте состоит в упорядочении небольшого количества слов для четкого разграничения их значений. В поэзии же происходит наоборот: новизна обеспечивается разнообразием валентностей слов.

Можно заключить, что ХД и НД расположены на шкале языковой креативности на противоположных полюсах — максимальной лингвокреативности в ХД и минимальной — в НД. Сам по себе вывод о креативности

языка в литературе и некреативности языка в науке может показаться тривиальным. Однако он позволяет понять, как взаимодействуют два этих вектора в полидискурсивных и междискурсивных формах и текстах: в манифестах, эссе, трактатах, заметках. Лингвистический инструментарий сопоставительного дискурс-анализа демонстрирует переход от экспрессивной лингвокреативности (лингвоэстетики) в художественной литературе к эвристической креативности (лингвоэвристике) в научном терминотворчестве.

ЛИТЕРАТУРА

- Винокур Григорий. *Маяковский — новатор языка*. Москва: Советский писатель, 1943.
- Житенев Александр. “Интерпретация «нового» в теории русского авангарда («Леф», «Новый Леф»)”. *Studia Litterarum* 4–3 (2019): 10–27.
- Зыкова Ирина. *Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты*. Москва: Гнозис, 2017.
- Ирисханова Ольга. *Лингвокреативные основания теории номинализации. Автореф. ... докт. филолог. наук*. Москва, 2004.
- Ичин Корнелия (ред.). *Научные концепции XX века и русское авангардное искусство*. Белград: Издательство Филологического факультета в Белграде, 2011.
- Соколова Ольга. “Поэзия, агитация и реклама в художественном авангарде 1910-х — 1920-х годов: языковая и дискурсивная креативность”. *Зборник Матице срpske за slavistiku*. 98 (2020): 29–55.
- Радбиль Тимур. *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие*. Москва: Флинта, 2012.
- Степанов Юрий и др. (ред.). *Семиотика и Авангард: Антология*. Москва: Академический проект, 2006.
- Фешенко Владимир. *Лаборатория логоса: Языковой эксперимент в авангардном творчестве*. Москва: Языки славянских культур, 2009.
- Фешенко Владимир. «Языки революции. Лингвистика и поэтика». Ичин Корнелия (ред.). *Искусство и революция: сто лет спустя*. Белград: Издательство Филологического факультета в Белграде, 2019: 153–161.
- Фешенко Владимир. «От лингвоэстетики к лингвоэвристике: словотворчество в художественном и научном дискурсах». *Критика и семиотика* 1 (2020): 92–113.
- Фёрингер Маргарета. *Авангард и психотехника. Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в послереволюционной России*. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
- Jones Rodney H. “Creativity and discourse analysis”. Jones Rodney H. (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Creativity*. London and New York: Routledge, 2019: 61–77.
- Zykova Irina, Sokolova Olga. “Elaborating principles of idiom-formation in the avant-garde literary discourse: A case study of Russian Cubo-Futurism”. *PHRASIS. Studi fraseologici e paremiologici* 3 (2018): 108–121.

REFERENCES

- Feshchenko Vladimir. *Laboratoriya logosa: Yazykovoj eksperiment v avangardnom tvorchestve*. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009.
- Feshchenko Vladimir. “Yazyki revoljucii. Lingvistika i poetika”. Ichin Korneliya (red.). *Iskusstvo i revoljuciya: sto let spustya*. Belgrad: Izdatel'stvo Filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, 2019: 153–161.
- Feshchenko Vladimir. “Ot lingvoestetiki k lingvoevristike: slovotvorchestvo v hudozhestvennom i nauchnom diskursah”. *Kritika i semiotika* 1 (2020): 92–113.
- Fyoringer Margareta. *Avangard i psihotekhnika. Nauka, iskusstvo i metodiki eksperimentov nad vospriyatiem v poslerevoljucionnoj Rossii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.

- Iriskhanova Ol'ga. *Lingvokreativnye osnovaniya teorii nominalizacii*. Avtoref. ... dokt. fililog. nauk. Moskva, 2004.
- Ichin Korneliya (red.). *Nauchnye koncepcii XX veka i russkoe avangardnoe iskusstvo*. Belgrad: Izdatel'stvo Filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, 2011.
- Jones Rodney H. "Creativity and discourse analysis". Jones Rodney H. (ed.) *The Routledge Handbook of Language and Creativity*. London and New York: Routledge, 2019: 61–77.
- Radbil' Timur. *Yazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie*. Moskva: Flinta, 2012.
- Sokolova Ol'ga. "Poeziya, agitaciya i reklama v hudozhestvennom avangarde 1910-h — 1920-h godov: yazykovaya i diskursivnaya kreativnost". *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 98 (2020): 29–55.
- Stepanov Yuriy i dr. (red.). *Semiotika i Avangard: Antologiya*. Moskva: Akademicheskij proekt, 2006.
- Vinokur Grigorij. *Mayakovskij — novator yazyka*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1943.
- Zhitenev Aleksandr. "Interpretaciya «novogo» v teorii russkogo avangarda («Lef», «Novyj Lef»)». *Studia Litterarum* 4-3 (2019): 10–27.
- Zykova Irina. *Metazyk lingvokul'turologii: Konstany i varyanty*. Moskva: Gnozis, 2017.
- Zykova Irina, Sokolova Olga. "Elaborating principles of idiom-formation in the avant-garde literary discourse: A case study of Russian Cubo-Futurism". *PHRASIS. Studi fraseologici e paremiologici* 3 (2018): 108–121.

Владимир Фешченко

CREATIO EX LINGUA.
ПАРАМЕТРИ ЈЕЗИЧКИХ ИНОВАЦИЈА У УМЕТНИЧКИМ
И НАУЧНИМ ТЕКСТОВИМА ЕПОХЕ РУСКЕ АВАНГАРДЕ

Резиме

У чланку се даје дискурзивна анализа руских уметничких (експерименталних) и научних (лингвистичких) текстова из угла теорије лингвокреативности. Према сваком од радних корпуса (уметнички и научни дискурси из периода од 1910-их до 1930-их година) издавају се макродискурзивни, микродискурзивни и интердискурзивни параметри, који утичу на различите нивое језичких иновација — од фонолошког до прагматичног. Долази се до закључка да уметнички и научни дискурс на скали језичке креативности заузимају супротне половине — максималне креативности у УД и минималне у НД. Лингвистички инструментаријум поредбене дискурзивне анализе показује прелазак од експресивне лингвокреативности (лингвоестетике) у књижевним текстовима ка хеуристичкој креативности (лингвохеуристици) у творењу термина у науци.

Кључне речи: лингвокреативност, уметнички дискурс, научни дискурс, руска авангарда, језички експеримент.